

Глава 1

Третий сектор: понятие и форматы функционирования

1.1. «Невидимый колледж» и конкуренция терминов

Самоорганизация граждан и альтруистическое поведение — масштабные и исключительно значимые явления, без которых немислима жизнь современного общества. С ними ассоциируются негосударственные некоммерческие организации (НКО) и общественные движения, группы взаимопомощи и общения, широко понимаемые благотворительность и волонтерство, короче говоря, действия, совершаемые добровольно ради так или иначе понимаемых интересов других людей, группы или всего общества. Не приводя пока разнообразные количественные характеристики этих явлений (читатель найдет их в последующих главах), отметим, что в нашей стране они охватывают абсолютное большинство граждан.

Явления, о которых идет речь, закономерно находятся в поле зрения ряда общественных наук. Вместе с тем их систематическое изучение началось сравнительно недавно, что объясняет дискуссионность многих представлений о них и неоднозначность относящейся к ним терминологии. Для обозначения реалий, о которых здесь идет речь, в научной литературе и публицистике используются словосочетания «гражданское общество» (*civil society*), «некоммерческий сектор» (*nonprofit sector*), «добровольное общество» (*voluntary society*), «третий сектор» (*the third sector*) и ряд других. Вариантов интерпретации этих словосочетаний довольно много, причем они отчасти пересекаются, а отчасти противопоставляются друг другу. Взаимно близкие интерпретации нередко ассоциируются с разными терминами, а далекие — с одними и теми же. В то же время эмпирически наблюдаема принадлежность исследований, оперирующих этими понятиями, к некоей общей «семье», хотя и не очень дружной. Об этом свидетельствует, в частности, следующее.

Основанное в 1990-е годы авторитетное Международное общество исследователей третьего сектора (ISTR) определяет свою задачу как содействие исследованиям и образованию в области гражданского общества, благотворительности и некоммерческого сектора (www.istr.org). Гражданское общество помещено здесь в один ряд с некоммерческим сектором, причем и то и другое позиционированы как составные части третьего сектора. Другая крупнейшая организация исследователей фактически той же проблематики называет себя Ассоциацией исследований некоммерческих организаций и добровольных действий (ARNOVA), обозначая таким образом как различие между двумя компонентами тематики, так и их совмещение (www.arnova.org).

В недавней публикации Мирового экономического форума *Who and what is "civil society"* термины «гражданское общество» и «третий сектор» используются как синонимы. По определению Всемирного банка, гражданское общество

представляет собой «широкий спектр организаций: общественные группы, неправительственные организации (НПО), профсоюзы, группы коренных народов, благотворительные организации, религиозные организации, профессиональные ассоциации и фонды»¹. В этой формулировке, предложенной влиятельной международной организацией, обращает на себя внимание отнесение термина «организация» в том числе к общественным группам, не оформленным в качестве юридических лиц. Нечто подобное характерно и для значений термина «третий сектор». Базируясь на обстоятельном обзоре литературы, О. Корри отмечает, что этот термин «на практике... используется в отношении весьма несхожих типов организаций, таких как благотворительные и другие негосударственные НКО, группы взаимопомощи, социальные предприятия, сети (networks) и клубы, если назвать лишь часть того, что нельзя отнести ни к государству, ни к рынку»².

Разумеется, название — лишь ярлык, закрепление которого за тем или иным объектом — предмет конвенций. Достаточно обычно неодинаковое употребление слова или выражения не слишком пересекающимися сообществами, для которых актуальны разные смыслы. Такое встречается и в науке, хотя в ней требуются формализованные конвенции об однозначно понимаемых дефинициях. В разных сообществах исследователей дефиниции могут быть разными (пример — значения термина «рост» в биологии и экономике). Однако, как видно из сказанного, когда речь идет о гражданском обществе и третьем секторе, налицо неполнота конвенций. Она отражает объективную незавершенность процесса, характеризующегося отчасти параллельным, а отчасти переплетающимся развитием, с одной стороны, объектов изучения, с другой — исследователей этих нередко перетекающих друг в друга объектов.

Нередки примеры проецирования результатов, полученных при исследовании части этих объектов, на всю их совокупность. Встречаются также различные, далеко не всегда ясно формулируемые ограничения совокупности за счет той или иной интерпретации названных выше терминов. В результате подчас приходится не без труда реконструировать фокусировку проведенного исследования и границы релевантности его результатов. Тем не менее невозможно не заметить, что разнообразие истолкований терминов «гражданское общество», «третий сектор» и др. сочетается с принадлежностью исследователей явлений, о которых идет речь, к одним и тем же упомянутым организациям, с участием в одних и тех же конференциях, тяготением к одним и тем же журналам и, главное, с реальным взаимодополнением исследований, диалогом и полемикой. Короче говоря, налицо типичный «невидимый колледж»³ и, если не единство, то близкое родство тех предметов, которые изучаются его участниками.

¹ Civil Society Policy Forum. The World Bank, April 17–21, 2017. <https://www.worldbank.org/en/events/2017/04/21/civil-society-policy-forum> (дата обращения: 25.05.2024).

² Corry O. Defining and Theorizing the Third Sector // R. Taylor (ed.). Third Sector Research. New York: Springer, 2010. P. 11–20.

³ Термин «невидимый колледж» используется для обозначения неинституционализированных групп исследователей, взаимодействующих в работе над общей проблематикой. «Невидимые колледжи» играют важную роль в становлении новых научных направлений и специальностей. См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. М.: Мысль, 2000–2001.

По аналогии с живой природой уместно предположить, что эти предметы имеют общую основу, характеризующую их «семейство», что не исключает «родовые» и «видовые» различия внутри него. «Семейные» черты исследований, по-видимому, производны от «семейных» черт их предметов. История становления тех и других заслуживает обстоятельного освещения, но рамки данной книги позволяют очертить только некоторые ее этапы.

Понятие «гражданское общество» возникло в рамках философского дискурса эпохи Просвещения и использовалось первоначально в качестве собирательного понятия, обозначающего сферу частной жизни, неким образом автономную по отношению к государству. При этом границы и состав сферы, как и характер ее автономии и взаимоотношений с государством, с самого начала понимались не вполне одинаково. На определенном этапе доминирующими стали представления, связанные с тезисом Г.В.Ф. Гегеля о промежуточном положении гражданского общества между семьей и государством. По существу, эти представления, акцентирующие позитивные эффекты взаимодействия людей, которые реализуют свои частные интересы, корреспондируют с представлениями А. Смита и его школы о рынке. Это видно, в частности, из следующего высказывания Гегеля: «В гражданском обществе каждый для себя — цель, все остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всем их объеме: эти другие суть поэтому средства для цели особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу»⁴.

Здесь нет возможности проследить путь от таких представлений к преобладающим ныне. В их рамках сохраняется идея промежуточного положения, но уже не между семьей и рынком, а между рынком и государством. Кроме того, в качестве «лица» гражданского общества теперь обычно предстает не эгоист, как у Гегеля, а активный альтруист. Существенны оба момента: с одной стороны, «промежуточность» объекта изучения, которой соответствует определение посредством соотношения с объектами, лежащими по две стороны от его границ (схожим образом определяется и третий сектор), с другой — то, что эволюция понятия происходила в значительной мере на основе интеграции с понятиями общего блага и, соответственно, гражданственности. Последние, в свою очередь, тоже имеют давние исторические корни и трактуются по-разному.

Впрочем, наряду с преобладающими трактовками гражданского общества сохраняется и его предельно широкое понимание как сферы частной жизни. Например, гражданское общество определяется как «совокупность множества межличностных отношений, семейных, социальных, экономических, культурных, религиозных и других ассоциаций и структур, которые развиваются в данном сообществе вне рамок государства и без его непосредственного вмешательства либо помощи»⁵. В фокусе данного понимания, очевидно, находится противопоставление «неполитического» «политическому». Оно помогает политологам очертить то, что напрямую не относится к области их исследований,

⁴ Гегель Г.В.Ф. *Философия права* / пер. с нем. В.Г. Столпера, М.И. Левиной. М.: Мысль, 1990. С. 524.

⁵ Мельвиль А.Ю. и др. *Категории политической науки: учебник для вузов* / под общ. ред. А.Ю. Мельвиля. М.: РОССПЭН, 2002. С. 204.

хотя и влияет на политические процессы. Впрочем, в литературе можно найти и подчеркнуто политизированные определения гражданского общества, в которых основное внимание уделяется его взаимоотношениям с государством, зачастую трактуемым антагонистически⁶. Как бы то ни было, определения, даваемые перечислением через запятую, очевидно, малопригодны для раскрытия сущности определяемых явлений.

Довольно рано для дискурса о гражданском обществе стал характерен акцент на совместном, *коллективном* характере *добровольных* действий. Основополагающими в данном отношении явились идеи А. де Токвиля о роли ассоциаций⁷. Рассматриваемое под данным углом зрения гражданское общество предстает уже не только как совокупность индивидов и особая система их взаимоотношений, но и как совокупность взаимодействующих коллективных акторов. Такое понимание во многом сохраняется по сей день, притом что его контекст претерпевал немалые изменения и отнюдь не одинаково выглядит в работах апологетов и критиков политических, социальных и экономических реалий той или иной эпохи. Представление об истории понятия и его месте в современной политической философии дает, например, книга Б.Г. Капустина⁸. Благодаря приложениям, в ней под одной обложкой опубликованы во многом полемизирующие друг с другом тексты трех авторов, каждый из которых компетентен и не беспристрастен. Это одно из свидетельств разнообразия трактовок гражданского общества при совпадении некоторых базовых идей.

В целом «семейные» черты основного потока современных исследований гражданского общества можно усмотреть в фокусировке на *промежуточном* положении объекта между сферой реализации частного интереса (на основе рыночных сделок) и сферой политики (борьбы за власть и ее осуществления). В таком положении находится сфера добровольного сотрудничества, которое осуществляется при созидании общего блага вне государственной иерархии, а также самореализации, иными словами самоценного проявления способностей и творческих устремлений не ради материального вознаграждения или выполнения долга перед государством. Разделяя эти черты, «члены семьи», т.е. различные концепции и трактовки гражданского общества, зачастую несхожи, что отражает как историю и географию контекстов их создания и бытования, так и разнообразие мировоззренческих позиций их авторов. Те работы, в которых используется термин «гражданское общество», часто характеризует отчетливо выраженная нормативность, даже идеологическая окрашенность. Не случайно

⁶ Например: *Foley M.W., Edwards B. The Paradox of Civil Society // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. No. 3. P. 38–52. Project MUSE; Ljubownikow S., Crotty J., Rodgers P. The State of Civil Society in Post-Soviet Russia: The Development of a Russian-Style Civil Society // Progress in Development Studies. 2013. Vol. 13 (2). P. 153–166; Edwards M. Civil Society. Cambridge: Polity Press, 2014; Domaradzka A., Kavelashvili N., Markus E., Sálhoff P., Skóra M. A Shrinking Space for Civil Society? A Conference on Civil Society and Europe's Political Culture. Wrocław, Poland, October 2016. München, 2016. (Europa Bottom-Up 15). <http://nbnresolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-49241-1> (дата обращения: 25.05.2024); *Kövér Á. The Relationship between Government and Civil Society in the Era of COVID-19 // Nonprofit Policy Forum. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 1–24.**

⁷ *Токвиль А. Демократия в Америке / пер. с фр. В.Т. Олейника, Е.П. Орловой, И.А. Малаховой, И.Э. Иванян, Б.Н. Ворожцова; предисл. Г.Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. С. 559.*

⁸ *Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество / ввод. ст. В.С. Малахова; прилож. Т.Х. Маршалла / пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011.*

в соответствующей статье российской «Новой философской энциклопедии» понятие «гражданское общество» предстает в качестве базы понятия «хорошее общество», о котором, в свою очередь, говорится, что «это не реальность, а теоретический инструмент для анализа достижений человечества в социальной сфере и их концептуализации на уровне теоретических обобщений»⁹.

Словосочетание «гражданское общество» наиболее ощутимым образом вышло за рамки преимущественно философского дискурса в последней четверти XX века. Это было связано с процессами, часто обозначаемыми термином «третья волна демократизации». В данном контексте доминирующей стала фокусировка на противостоянии свободной самоорганизации граждан и организации социума на основе принуждения¹⁰. Такая фокусировка характерна главным образом для работ исследователей политических процессов в государствах, не являющихся либеральными демократиями.

Вместе с тем примерно в тот же период, когда разворачивалась «третья волна демократизации», в индустриально развитых странах существенно возросла экономическая и социальная значимость добровольной активности, не ориентированной на получение максимально возможного дохода или изменение политики государства. В этих странах она, как правило, институционализировалась в формах благотворительных и других НКО, а также социального предпринимательства. Значительно увеличилась востребованность экономических, менеджеральных, статистических, социологических и других исследований такой активности. Вскоре эти исследования выделились в самостоятельную междисциплинарную область, объект которой чаще всего называют третьим сектором или некоммерческим сектором. Эти термины ставят данный объект в один ряд с коммерческим и государственным секторами экономики.

Однако в работах, в которых говорится о третьем секторе, речь идет не только о сугубо экономической проблематике. Их отличие от работ, оперирующих термином «гражданское общество», состоит скорее в том, что на первый план реже выдвигается общественно-политическая позиция авторов и вытекающая из нее нормативность. Впрочем, это отличие имеет место далеко не во всех случаях. Примечательно, что одна из наиболее цитируемых публикаций, в названиях которых фигурируют слова «гражданское общество»¹¹, трактует взаимоотношения НКО с государством в привычном для экономистов контексте разделения труда и взаимодополнения, по сути, безотносительно к чертам политических режимов. Примером подобного рода служит также, пожалуй, самое известное межстрановое исследование НКО, которое опубликовано под названием «Глобальное гражданское общество»¹², хотя в нем фигурируют главным образом экономические характеристики некоммерческого сектора.

⁹ Новая философская энциклопедия...

¹⁰ См., например: Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические перепикулы / пер. с англ. М.Б. Гнедовского. М.: Московская школа политических исследований, 2004.

¹¹ Salamon L.M., Anheier H.K. Social Origins of Civil Society: Explaining of the Nonprofit Sector Internationally // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 1998. Vol. 9 (3). P. 213–247.

¹² Salamon L.M., Anheier H.K. et al. *Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 1999. P. 3–39.

Налицо не только частое использование словосочетаний «гражданское общество» и «третий сектор» как синонимичных, но и отсутствие четкой грани между исследованиями, в которых общественно-политическая проблематика присутствует в явном виде, и теми, которым присуща политическая нейтральность. Так, акцентировка взаимных выгод сотрудничества третьего сектора с государством и поиск оптимальных вариантов его государственного регулирования и поддержки нередко сопровождается указаниями на риск утраты независимости НКО.

Понятие третьего сектора одним из первых ввел А. Этциони, который делал акцент на промежуточном положении сектора между государством и рынком (до некоторой степени аналогом является понимание гражданского общества Ю. Хабермасом¹³) и на особенностях мотивации его акторов; эти особенности проявляются в ориентации на ценности и личную вовлеченность в противоположность ориентациям на доход или власть¹⁴. Имелась в виду не полная непричастность рынку и государству, немыслимая в современном обществе, а специфика роли сектора в общественной жизни и логики его функционирования. Эти признаки, которые будем называть *ролевым* и *мотивационным*, так или иначе просматриваются практически во всех последующих трактовках третьего сектора.

При растущем разнообразии исследований сохраняется общность акцентов, во-первых, на *нерыночную мотивацию* активности и, во-вторых, на *добровольный характер взаимодействий*, не предписанных носителями власти. Это соответствует идее промежуточного положения объекта исследования между рынком и государством, точнее, отнесения к этому объекту того, что не принадлежит ни к первому ни ко второму. В самом деле, нерыночная мотивация суть непосредственная ориентация на те или иные *конкретные ценности*, присущие личности или группе. Таким образом проявляется стремление к общему благу и к самореализации. Рыночная же мотивация предполагает опосредованное достижение того, что обладает конкретной ценностью: непосредственно мотивируется получение лишь универсальных средств обмена, пригодных для последующего приобретения тех или иных благ. В свою очередь, добровольность противостоит действиям по предписанию (способность легитимно предписывать или запрещать те или иные действия составляет сущность государственной власти).

В поле зрения части исследователей находятся любые субъекты добровольной ценностно мотивированной деятельности, прежде всего индивиды, действующие на основе личного выбора. Другие ученые фокусируются на организациях, причем, как правило, на формальных, прежде всего на зарегистрированных НКО. Сколько-нибудь крупные формальные организации располагают внутренней иерархией власти и оплачиваемыми работниками, деятельность которых на личном уровне мотивируется в том числе стремлением к заработку. Однако это не исключает добровольности и ценностной мотивации самой

¹³ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / transl. by T. Burger. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

¹⁴ Etzioni A. The Third Sector and Domestic Missions // Public Administration Review. 1973. Vol. 33. Iss. 4. P. 314–323.

организации как актора гражданского общества. Это имеет место, если такая мотивация присуща тем, кто создал организацию, определил цели и условия ее функционирования и направляет ее деятельность.

В современном мире любая активность почти всегда находится в сфере воздействия государства и соприкасается с рынком. Так, государственные органы закупают необходимые им ресурсы, а государственные учреждения, кроме того, продают часть оказываемых ими услуг, но это не относится к их существенным характеристикам. Равным образом подверженность бизнеса государственному регулированию не отменяет его рыночной природы (впрочем, в случае государственной собственности на предприятия имеет место некоторое совмещение сущностей). Отметим это целесообразно, чтобы разнообразные контакты третьего сектора с государством и рынком, например участие НКО в выполнении заказов государства и в предоставлении платных услуг, не воспринимались как повод отрицать его самостоятельное место в общественной жизни.

Общность акцентов исследований на добровольности и нерыночной мотивации обычно сочетается с фокусировкой различных авторов на той или иной части явлений, которым свойственны названные характеристики. Это подчас оборачивается терминологическими неясностями. Например, словосочетание «третий сектор» используется в научной литературе как в значении «совокупность некоммерчески ориентированных активностей», так и в значении «совокупность зарегистрированных НКО», причем авторы далеко не всегда явным образом фиксируют свой выбор.

Преобладающей в научных публикациях с конца 1990-х годов стала концепция Л. Саламона и его соавторов, прежде всего Г. Анхайера, которая в значительной степени интегрирует подходы предшественников. Не являясь безоговорочно общепринятой, она зачастую выступает в роли своего рода отправной точки теоретизирования (включая вариации, оговорки и критику) на тему третьего сектора. В кратком изложении суть концепции выглядит следующим образом. Первичными ячейками сектора выступают организации (не индивиды), которые «обладают некой организованностью, институциональной реальностью. Они являются частными, т.е. институционально обособлены от государства. Они не распределяют прибыль, т.е. не передают порождаемое их деятельностью превышение доходов над расходами своим владельцам или директорам. Они являются самоуправляемыми, т.е. обладают способностью контролировать свои активности. Они добровольны, хотя бы отчасти, т.е. они допускают некоторую значимую степень добровольного участия либо в непосредственном осуществлении своей активности, либо в управлении»¹⁵. Эта концепция тесно связана с теорией провалов рынка, государства и самоорганизации, а также с разработанной Саламоном и Анхайером теорией социального происхождения (social origins) третьего сектора¹⁶, о которых речь пойдет далее.

---

¹⁵ *Salamon L.M., Anheier H.K. The Third World's Third Sector in Comparative Perspective // Working Papers of the Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project. No. 24 / L.M. Salamon, H.K. Anheier (eds). Baltimore: The Johns Hopkins Institute for Policy Studies, 1997. P. 9.*

¹⁶ *Salamon L.M., Anheier H.K. Social Origins of Civil Society...*

Буквальному смыслу процитированного определения третьего сектора соответствуют не только формальные организации, но и, например, ситуативно возникающие и распадающиеся группы взаимопомощи. Им также свойственна организованность, хотя и неформальная, они не распределяют прибыль, не имея никаких доходов, и т.д. Именно в таком смысле понятие третьего сектора используется авторами этой книги.

1.2. Самоорганизация и ее институты

Как было показано, в современной научной литературе представлены концепции, которые зачастую неодинаково оперируют одними и теми же терминами, но относятся к активностям, имеющим схожие ключевые признаки, корреспондирующие между собой. Хотя эти признаки подчас обозначаются и конкретизируются не вполне одинаково, на пересечении объектов, к которым они относятся, находится деятельность, во-первых, добровольно выбираемая (в частности, не предписанная государством, обладающим законным правом принуждения), и, во-вторых, мотивируемая ценностями в противоположность выгоде в наиболее узком экономическом понимании. Экономическая теория давно ушла от примитивного понимания выгоды как лишь чего-то сугубо денежного или материального, равно как от понимания экономического только как примитивно эгоистического¹⁷. Однако здесь, по-видимому, целесообразно, не углубляясь в проблему более тонкого разграничения «экономических» и «неэкономических» мотивов, ограничиться традиционным пониманием, имеющим скорее интуитивный, чем строго научный характер, поскольку литература о гражданском обществе и третьем секторе обычно не выходит за его рамки. Некоторые концепции говорят об этом прямо, другие подразумевают.

Если не принимать как данность, что специфике третьего сектора соответствует любая ценностная мотивация, лишь бы она доминировала по отношению к узко «экономической», нет альтернативы обсуждению конкретных ценностей. Вопрос о том, какие ценности адекватны понятию гражданского общества, издавна дискутируется в литературе¹⁸. Однако, поскольку разногласия имеют мировоззренческую природу, консенсус в этом вопросе вряд ли достижим. Отчасти схожим образом дело обстоит с разногласиями по вопросу, признавать ли относящейся к гражданскому обществу и третьему сектору деятельность, мотивированную не «экономически», а аскриптивно (предписанную традицией или требованиями сообщества)¹⁹. По-видимому, целесообразно не пытаться найти приемлемые для всех ответы на эти два вопроса, оставляя пространство для исследований, ориентированных на разные варианты.

¹⁷ Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. Очерк истории западной экономической мысли. М.: Наука, 1993.

¹⁸ См., например: *Smith D.H. The Dark Side of Goodness in the Angelic Nonprofit Sector*. Bradenton, FL, 2009, где автор рассматривает девиантные явления и практики в НКО, которые занимают «серую зону» между теми, кто нацелен на общественное благо, и теми, чья деятельность преследует деструктивные цели.

¹⁹ Следует упомянуть о том, что эта грань в любом случае не абсолютна, а также о том, что вполне свободный выбор иногда делается в пользу традиционной модели поведения, в том числе связанной с подчинением (пример — уход современного интеллектуала в монастырь).

Как бы то ни было, необходимо избегать довольно типичных для литературы по обсуждаемой тематике терминологических неясностей, о которых говорилось выше. Неясности особенно нежелательны в современных условиях, когда добровольная ценностно мотивированная активность становится все более разнообразной, в том числе за счет использования информационно-коммуникационных технологий, а неформальные общности все чаще сосуществуют с зарегистрированными НКО, нередко оказываясь их «эмбрионами», порождениями, конкурентами или партнерами. В этой связи, по-видимому, целесообразно обозначать совокупность явлений, изучаемых специалистами в области гражданского общества, НКО, третьего сектора, благотворительности, добровольчества и т.д., терминами, непосредственно выражающими их «семейные» черты. Таковы некоммерческая *самоорганизация* и *альтруистическое* поведение.

Явления, относящиеся к этой совокупности, могут одновременно иметь черты самоорганизации и альтруизма. Таковы, например, благотворительные организации и добровольческие движения. Вместе с тем, например, НКО клубного типа, будучи самоорганизующимися структурами, действуют не столько альтруистически, сколько в интересах своих членов. В то же время гражданские активисты, действующие вне устойчивых структур, осуществляют добровольное альтруистическое действие вне подобных организаций. Выше показано, что все это изучается одной и той же группой исследователей, которые даже при несхожестве узких специализаций поддерживают диалог. Равным образом эмпирически наблюдаемый факт состоит и в том, что эта группа все еще находится в процессе формирования общего понятийного аппарата и совокупности взаимосвязанных теорий.

Самоорганизация как понятие, а не просто интуитивно понимаемое выражение, пришло в общественные науки из точных и естественных, прежде всего из кибернетики и биологии. В научный обиход термин был введен в середине XX века У. Эшби²⁰. С тех пор появилось немало дефиниций самоорганизации. На основе их обширного анализа Н. Гилберт с коллегами выделили те общие моменты, которые с разной степенью выраженности присутствуют практически в каждом из определений: образование регулярных и воспроизводящихся паттернов (*pattern formation*), автономия, динамичность, а также устойчивость и резильентность, т.е. способность, справляясь с негативными внешними воздействиями, возвращаться в состояние равновесия (*robustness and resilience*)²¹. Переход к изучению социальных систем потребовал обогатить понимание самоорганизации за счет включения в исследовательскую повестку проблем мотивации, норм, ценностей и лидерства. В результате тематика самоорганизации заняла прочное место в экономической теории и социологии²².

---

²⁰ Ashby W. Principles of the Self-organizing Dynamic System // Journal of General Psychology. 1947. Vol. 37. P. 125–128.

²¹ Gilbert N., Anzola D., Johnson P., Elsenbroich C., Balke T., Dilaver O. Self-organizing Dynamical Systems // J.D. Wright (ed.). International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. London: Elsevier, 2015.

²² Anzola D. et al. Self-organization and Social Science // Computational and Mathematical Organization Theory. 2017. Vol. 23. P. 228.

Для подходов экономистов и социологов к изучению самоорганизации, равно как и к исследованию альтруистического поведения, характерна фокусировка не на непосредственном содержании действий, а на *институтах*, придающих им общественные формы. Так, наблюдая, как некие люди тратят деньги на то, чтобы помочь другим, можно не просто зафиксировать этот факт, а постараться понять, имеет ли место подаяние нищим, которое каждый осуществляет спонтанно и автономно, сбор средств, проводимый активистами благотворительной акции, уплата регулярных взносов членами общественной организации, созданной с благотворительными целями, выполнение обязанности, вытекающей из принадлежности к определенной общности (пример — закят в Исламе), и др.

Термин «институт», как и рассматривавшиеся выше, не однозначен. Э. Дюркгейм относил к числу институтов «все верования, все способы поведения, установленные группой»²³. Т. Парсонс определял институт «как комплекс институционализированных интегративных ролей, имеющий стратегическую структурную значимость для конкретной социальной системы». Ч. Миллс указывал, что институт «...состоит из множества взаимозависимых ролевых образцов и их компонентов»²⁴. По Э. Гидденсу, «социальные институты образуют основу общества, поскольку они представляют относительно фиксированные, устойчивые во времени способы поведения»²⁵. По Д. Норму, это «формы ограничений, созданных людьми для того, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям... они состоят из формальных писанных правил и обычно неписанных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их»²⁶.

Очевидны различия между процитированными определениями, предложенными выдающимися учеными, не говоря уже о множестве менее авторитетных дефиниций. Однако не менее очевидно, что во всех случаях речь идет о ключевых характеристиках того, как активность индивидов предстает в *контексте общественных взаимосвязей*. С некоторой долей условности можно утверждать, что различия производны от того, какие характеристики занимают центральное место в концепции того или иного автора, но это не отменяет некой общности предмета.

Именно в названном контексте альтруистическое поведение и самоорганизация рассматриваются авторами данной монографии. Иными словами, они, как и упоминавшиеся выше исследователи гражданского общества, благотворительности и НКО, не пытаются, например, раскрывать природу альтруизма как психологического феномена. Зато они видят свою задачу в исследовании тех ролей, которые изучаемые явления играют в общественной жизни, конкретных

²³ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

²⁴ Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / пер. с англ. О. Оберемко; под общ. ред. и с предисл. Г.С. Батыгина. М.: Стратегия, 1998.

²⁵ Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсолл; пер. с англ. А.В. Бекрова, В.П. Мурата, И.В. Ольшевского, И.Д. Ульянова, А.Д. Хлопина. Изд. 2-е, полн. перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005.

²⁶ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

способов и форматов осуществления этих ролей, а также условий, в которых явления возникают и под воздействием которых эволюционируют. Говоря коротко, предмет исследования — *общественная определенность* самоорганизации и альтруистической деятельности, а также *прямые и обратные связи* между соответствующими активностями и другими компонентами общественной жизни.

Общественные институты находятся в поле зрения всех общественных наук, каждая из которых благодаря присущим ей подходам и методам идентифицирует те или иные компоненты и аспекты институционального устройства социума. Авторы данной книги в силу своих специализаций следуют в основном подходам экономической и социологической науки, как правило, оставляя за рамками исследования проблематику политической науки. Этому соответствует присутствие словосочетания «третий сектор» в названии монографии.

Общественные роли, реализуемые за счет самоорганизации граждан и их альтруистического поведения, не тождественны выполняемым функциям. Например, такая функция, как обслуживание лиц с ограниченными возможностями, осуществляется семьями, государственными социальными службами, коммерческими организациями, НКО и волонтерами, не принадлежащими к зарегистрированным НКО. В этих случаях выполнение одной и той же функции по-разному мотивируется и организуется. Это касается прежде всего мотивации: для семьи на первом плане стоят личные отношения, для государства — политические мотивации, для коммерческой структуры — заинтересованность в оплате услуг, для НКО и волонтеров — альтруизм.

Специфике мотиваций и особенностям условий, в которых они реализуются, соответствуют те или иные *форматы* действий, которые характеризуются наборами писанных и неписанных норм. Добровольность означает отсутствие принуждения к следованию нормам, а не отсутствие самих норм. Это можно пояснить на примере различия между нормами уставов НКО и воинских уставов. Там, где нет норм, хотя бы неписанных, трудно предвидеть поведение партнеров, что мешает взаимодействию. В специфике норм, причем не только законодательно установленных, отчетливо проявляются различия между организациями государственного, коммерческого и третьего секторов. Роль последнего не сводится к оказанию услуг. Третий сектор способен вносить в жизнь общества свои нравственные нормы, формировать атмосферу взаимопонимания и доверия, способствовать гармонизации общественных отношений. Такое понимание роли структур, базирующихся на самоорганизации и альтруизме, существенно, с одной стороны, для понимания значимости их развития, в том числе эффектов от поддержки третьего сектора, а с другой — для оценки норм, которым на практике следует сектор, и его соответствия роли, которую он призван выполнять.

Нормы, особенно писанные, которые принимаются намеренно и осознанно, — наиболее вариативные и подвижные компоненты институтов. Забота об оптимальном соответствии своей роли в значительной степени проявляется в выборе подходящих норм, отслеживании их адекватности меняющимся обстоятельствам и своевременной корректировке. Одним из факторов адекватности норм служит познание не только меняющихся обстоятельств, но прежде всего самих ролей, мотиваций, внутренних и внешних взаимосвязей организации, которые не всегда очевидны.

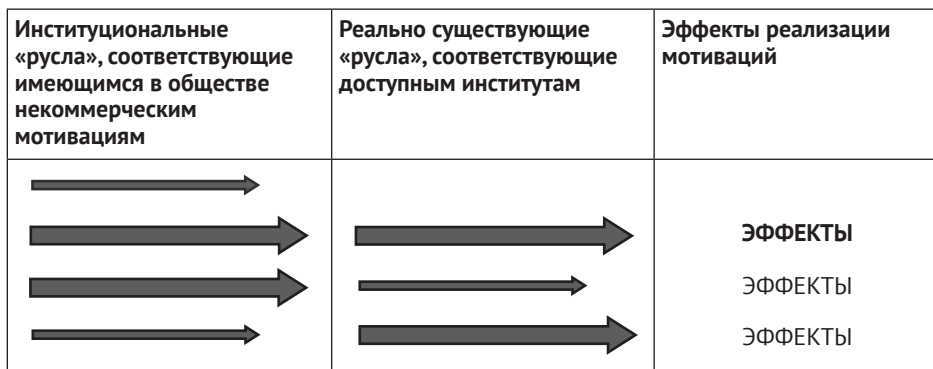
Рис. 1.1. Самоорганизация: мотивационный, функциональный и институциональный аспекты

Учет институциональных аспектов придает конкретность объяснениям того, почему третий сектор имеет те или иные масштабы, структуру, историю и перспективы развития. Именно институциональное устройство определяет те «русла», в которых практически реализуются альтруистические активности и некоммерчески мотивированная самоорганизация. Сказанное выше иллюстрируется рис. 1.1 и 1.2.

Поскольку границы объекта изучения, как отмечено выше, понимаются исследователями по-разному, они обозначены прерывистыми линиями (рис. 1.1). Например, для тех, кого интересуют главным образом зарегистрированные НКО, границы выглядят более узкими, чем для тех, в чьем поле зрения находятся также общественные движения, а для последних — более узкими, чем для включающих в область своих интересов также группы в социальных сетях. То же относится к разным подходам к составу ценностей, ориентация на которые рассматривается в качестве приемлемой. В зависимости от того, каким в глазах исследователя выглядит соотношение понятий «третий сектор» и «гражданское общество», могут потребоваться или нет два не вполне совпадающих варианта рисунков, но структурно они оказались бы схожими.

1.3. Форматы самоорганизации

В каждый период в обществе существует довольно широкий набор потенциальных вариантов самоорганизующегося и альтруистического поведения, но на практике реализуются те варианты, для которых находятся подходящие институциональные устройства, в свою очередь различающиеся по своей эффективности. Эффективность зависит не только от того, насколько институты самоорганизации адекватны содержанию активностей и их мотивациям, но и от соответствия условиям, в которых они осуществляются. Эти условия включают общественные запросы на разного рода активности и все, что влияет на возможности их реализации. Например, в недавнем прошлом, с одной стороны, возник запрос на помощь людям, находившимся в самоизоляции

Рис. 1.2. Потенциальные и реальные «русла» реализации некоммерческой (ценностной) мотивации

в связи с пандемией коронавируса, а с другой — расширились возможности дистанционного оказания ряда услуг за счет использования информационно-коммуникационных технологий. Как мотивации, так и условия их реализации постоянно эволюционируют, что может обуславливать снижение ценности ранее эффективных институтов, выдвигание на первый план ранее мало востребованных, потребность в появлении новых и др.

Сказанное условно проиллюстрировано на рис. 1.2. В левой его части представлены институциональные «русла», через которые, в принципе, могли бы реализовываться существующие в обществе некоммерческие мотивации. Стрелки разного размера иллюстрируют различия в распространенности и интенсивности мотиваций. В идеале им должны были бы соответствовать различия в распространенности тех институциональных устройств, которые адекватны этим мотивациям. Однако на практике не каждая мотивация находит институциональное устройство, наиболее подходящее для ее реализации, а те, которые находят, не всегда реализуются оптимальным образом. Поэтому в средней части рисунка меньше стрелок, чем в левой, а их размеры не всегда соответствуют друг другу. Наконец, справа представлены эффекты реализации мотиваций. Они зависят как от распространенности и интенсивности последних, так и от качества соответствующих институциональных устройств, которые удается сформировать.

Обеспечение адекватности институтов самоорганизации задаче наиболее эффективной реализации некоммерческих мотиваций, наиболее ценных, с точки зрения общества, — ключевая проблема развития третьего сектора. Она отчасти решается за счет своего рода «естественного отбора», который осуществляется в ходе инициативного конструирования подходящих вариантов организации совместной деятельности, который ведут ее участники. Наиболее удачные варианты получают распространение, тогда как неудачные вытесняются. В то же время принципиально значима целенаправленная деятельность государства по формированию эффективных институтов, особенно с учетом того, сколь существенное место среди них занимают нормы права, не способные эволюционировать спонтанно. Таковы, в частности, нормы, относящиеся

к организационно-правовым формам НКО. Стремление к высокому качеству институтов третьего сектора предполагает поиск оптимальных балансов между относительной универсальностью основных регуляторных норм и учетом специфики конкретных направлений и условий деятельности, а также между стабильностью норм и их своевременной подстройкой к новым запросам общества и меняющимся обстоятельствам.

Вместе с тем при всей значимости правовых норм, которые устанавливает государство, необходимо уделять должное внимание писаным и неписаным нормам, генерируемым в ходе самой самоорганизации ее участниками. Изучение таких норм, их эволюции и влияния на развитие третьего сектора остается пока скорее на периферии исследовательской повестки. Между тем есть основания считать, что оно весьма перспективно как в собственно научном, так и в практическом плане, поскольку критически важно, в частности, для идентификации причин, по которым самоорганизация развивается менее успешно, чем это могло бы быть.

Обратимся к специфическим комплексам институтов самоорганизации, которые далее рассматриваются под названием ее форматов (табл. 1.1). Один из «полюсов» спектра форматов можно определить как *индивидуализированные коллективные действия* (ИКД). Исходное значение этого термина, введенного в работе М. Микелетти, — всевозможные «практики принятия ответственности за общее благополучие... для решения в одиночку или вместе с другими проблем, которые, по мнению граждан, влияют на то, что они считают хорошей жизнью». По мысли автора концепции, ИКД могут осуществляться в том числе в рамках организации, если найдется такая, что будет безупречно адекватна личным устремлениям гражданина. Однако суть концепции Микелетти состоит в противопоставлении ИКД встраиванию в какие-либо иерархии, а также делегированию организациям ответственности за позиции входящих в них граждан и, соответственно, делегированию лидерам организаций права определять общую позицию, лояльность к которой должны проявлять участники²⁷. Отмечается, что для ИКД наиболее типичны действия «в одиночку или в сетях (networks), организуемых *ad hoc* вне формальной системы»²⁸. Таким образом, оговорка о возможности осуществления ИКД в рамках формальных организаций неорганична для концепции Микелетти и скорее не обогащает, а затемняет ее смысл. В этой связи термином ИКД ниже будет обозначаться только активность, осуществляемая вне рамок формальных организаций.

Еще один момент, требующий комментариев, состоит в том, что Микелетти рассматривает ИКД в контексте политического активизма. Между тем процитированное определение ИКД и другие характеристики, раскрывающие это понятие, не несут в себе ничего специфического для политических отношений, по крайней мере понимаемых традиционно как отношения «по поводу приобретения, распределения и осуществления власти»²⁹. Эти характеристики очевидным образом проецируются на разнообразные области и виды дея-

²⁷ *Micheletti M. Political Virtue and Shopping. Individuals, Consumerism, and Collective Action.* New York: Palgrave Macmillan, 2003. P. 26–28.

²⁸ *Ibid.* P. 31.

²⁹ *Мельвиль А. Ю. и др. Категории политической науки...* С. 18.

Таблица 1.1. Форматы самоорганизации

	ИКД	Полифункциональное сообщество	Монофункциональное сообщество	Альтруистическая НКО	Клубная НКО	Социальное предприятие
Мотивы участия	Стремление к общественному благу	Личные взаимоотношения	Стремление к общественному благу	Стремление к общественному благу	Стремление к благу для участников (клубному благу)	Доход
		Стремление к общественному благу	Личные взаимоотношения	Сотрудничество	Сотрудничество	Стремление к общественному благу
		Сотрудничество	Сотрудничество	Личные взаимоотношения	Личные взаимоотношения	Сотрудничество
Самоограничение	Отсутствует	Незначительно	Незначительно	Значительно	Значительно	Значительно
Затраты усилий и средств на поддержание институтов	Отсутствуют	Незначительны	Незначительны	Значительны	Значительны	Значительны
Мониторинг участия	Не требуется	Происходит автоматически	Затруднен и редок	Существен	Существен	Существен

тельности, в основе которой лежит принятие личной ответственности за общее благополучие. Определение Микелетти, по сути, эквивалентно формулировке «ценностно мотивированная активность, нацеленная на достижение общего блага». Для российского читателя с этим определением ассоциируются положения о видах деятельности социально ориентированных НКО, сформулированные в ст. 31.1 Федерального закона от 12 января 1996 года № 7-ФЗ (в редакции от 2 июля 2021 года) «О некоммерческих организациях». Это можно назвать *социально ориентированной общественной (гражданской) активностью*, что охватывает как организованное, так и неорганизованное участие граждан в такого рода деятельности³⁰. Примером такой активности является этическое потребление (см. раздел III настоящей работы).

Итак, названием «индивидуализированные коллективные действия» далее будет обозначаться ценностно мотивированная активность, осуществляемая гражданами либо индивидуально, либо в сетях, не имеющих выраженной иерархии. Слово «коллективные» в этом названии уместно, поскольку предполагается, что участники разделяют одинаковое понимание общего благополучия и, принимая личную ответственность за его обеспечение, действуют однонаправленно друг с другом. Это зачастую приводит не просто к сложению индивидуально достигаемых эффектов, но и к их мультиплицированию (говоря языком экономистов, возникает экономия на масштабе), а также становится основой возникновения сетей. Кроме того, сказывается известный эффект «снежного кома» коллективных действий, по-разному, но без взаимных противоречий, объясняемый социологами, психологами и экономистами. Все это отчетливо видно, в частности, на примере раздельного сбора мусора.

Таким образом, налицо фактическая согласованность действий, зачастую без непосредственной коммуникации между участниками. Тем не менее для каждого участника существенно, что его действия дополняются действиями других, более или менее регулярно воспроизводящими общие паттерны активности. Следовательно, участники, даже не зная друг друга, фактически образуют довольно устойчивую совокупность лиц, добровольно исполняющих однородные общественно полезные роли и следующих при этом общим подразумеваемым нормам. Таким образом, налицо институциональное устройство, отвечающее признакам самоорганизации, хотя они выражены слабее, чем в случаях, рассматриваемых далее.

Стабильно функционирующие сетевые структуры (СФСС) — более сложный и устойчивый, по сравнению с ИКД, формат коллективных действий, требующий от участников своего рода *инвестирования во взаимодействие*. Имеется в виду все, что участник не делал бы, если бы не придавал существенного значения взаимодействию с другими. В этом контексте к разряду инвестиций относятся, например, с одной стороны, поддержка сети с помощью денег или личных усилий, а с другой — самоограничение в формулировании и отстаивании личной позиции (ни то ни другое не имеет места в случае ИКД).

---

³⁰ Если понятие социально ориентированной НКО является преимущественно правовым, то понятие социально ориентированной гражданской активности уместно использовать в разнообразных социальных, политических и экономических контекстах.

С некоторой долей условности следует различать два типа СФСС. К первому можно отнести те, участие в которых определяется не столько привлекательностью конкретной общей цели, сколько заинтересованностью в межличностных отношениях. Таковы, например, дружеские сообщества, для которых одинаковое понимание общего блага и совместная деятельность по его достижению — скорее результат взаимоотношений, чем их предпосылки. Совместное участие в гражданской активности, направленной на конкретную общественно значимую цель, бывает лишь одним из аспектов функционала подобной группы. Далее такие группы будут называться *полифункциональными*. Они, как правило, не очень велики по размерам, поскольку предполагается совпадение интересов участников по многим позициям, а также взаимные симпатии и довольно тесное общение.

СФСС второго типа возникают и функционируют на основе интереса участников к одной или нескольким конкретным проблемам, которые могут относиться к той из сторон общественного благополучия, которую участники понимают одинаково. Для присоединения к такой структуре не обязательны личные симпатии или даже знакомства. Достаточно воспринимать других участников как приносящих пользу общему делу. Далее такие сообщества будут называться *монофункциональными*. Их жизнеспособность предполагает наличие, во-первых, привлекательной цели и, во-вторых, понятных и приемлемых для участников норм взаимодействия, хотя бы неформальных (они могут относиться, в частности, к модерированию диалога и практических действий). Иными словами, необходимы адекватные институты, причем несложные, гибкие, необременительные, не требующие значительных затрат на поддержание. Однако создание этих институтов должно быть кем-то инициировано, причем, как правило, не только в форме призыва, но и посредством неких первоначальных усилий. Соответственно, кто-то из участников должен сыграть роль неформального лидера, для которой нет места в ИКД³¹. Этой роли может соответствовать явное или неявное преимущество во влиянии на то, как функционирует сообщество.

Следующая ступень усложнения взаимодействий, нацеленных на реализацию ценностных мотиваций, — создание формальной организации с некоммерческой миссией. Здесь также целесообразно выделить два варианта. Первый охватывает НКО, миссии которых ориентированы на общее благо, не связанное или относительно слабо связанное с потребностями их участников. Таковы, например, грантодающие организации, приюты для бездомных и т.д. Далее они будут именоваться *альтруистическими НКО*³². Ко второму варианту относятся организации, которые в существенной мере удовлетворяют потребности своих участников. Для них будет использоваться обозначение *клубные НКО*. Эти названия и само разграничение условны, как и введенные выше два

³¹ Инициирование совместной добровольной некоммерческой активности — феномен, за которым первоначально закрепилось название «социальное предпринимательство», позднее ставшее обозначением гибридов коммерческой и некоммерческой деятельности. Роль понимаемых таким образом «социальных предпринимателей» в создании НКО впервые раскрыта здесь: *James E., Rose-Ackerman S. The Nonprofit Enterprise in Market Economics. London: Taylor & Francis, 1986.*

³² Может показаться, что приемлемым был бы термин «благотворительная организация» или «социально ориентированная НКО», но совокупность первых уже, а вторых шире, чем тех, о которых здесь идет речь.

типа сетей. Довольно многие НКО сочетают черты альтруистического и клубного типов. Однако разграничение поможет пояснить различие мотиваций и связанные с ним практические следствия. Что же касается организаций, в которых просматриваются черты разных типов, последующие выводы относятся к ним в тех сочетаниях, в которых сочетаются типы.

Наконец, еще один формат, присутствующий в табл. 1.1, — *социальное предприятие*, т.е. организация, создаваемая и контролируемая лицами, ценностная и «экономическая» (коммерческая) мотивации которых сосуществуют и находятся в относительной гармонии³⁵.

Коллективные акторы, в свою очередь, способны действовать однонаправленно, вступать в сетевые взаимодействия друг с другом и индивидуальными участниками коллективных действий (волонтерами), а также входить в состав «зонтичных» структур с разной мерой автономии первичных ячеек. Последние также могут вступать в схожие взаимодействия. Таким образом выстраивается своего рода *спираль институционализации гражданской активности*.

В случаях, не сводимых к разрозненным параллельным активностям, непосредственными субъектами взаимоотношений могут быть лишь договаривающиеся между собой представители сторон, т.е. граждане, которым *делегированы* функции формулирования позиций и координации действий. Следовательно, ИКД не способны непосредственно включаться в спираль. Включение же полифункциональных или монофункциональных сообществ возможно, лишь если появляется уже не только сугубо неформальное, но и как-то оформленное лидерство.

Движение от левой к правой части спектра, представленного в табл. 1.1, при прочих равных условиях предполагает *все большие инвестиции* в том смысле, о котором говорилось выше. То же происходит при появлении все новых слоев институционального устройства при движении по спирали институционализации. В самом деле, с одной стороны, требуется *самоограничение* инициативных индивидов, нежелательность которого акцентируется концепцией ИКД, а с другой — необходимы затраты *ресурсов* в создание, поддержание и развитие структур взаимодействия. Инвестиции оправданы, если участники коллективных действий в результате получают преимущества, недоступные им при более простых, комфортных и дешевых институциональных устройствах. Если вспомнить формулировку Микелетти о принятии ответственности за общее благополучие, то готовность индивида подчинять себя институциональным устройствам, далеким от ИКД, надо объяснить тем, что дискомфорт от компромиссов и подчинения, а также затраты ресурсов компенсируются в восприятии автора возможностью более полно реализовать эту ответственность.

³⁵ Обзор современной исследовательской проблематики в сфере социальных предприятий можно найти в следующих публикациях: Young D.R., Searing E.A.M., Brewer C.V. (eds). The Social Enterprise Zoo: A Guide for Perplexed Scholars, Entrepreneurs, Philanthropists, Leaders, Investors and Policymakers. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2016. О развитии социального предпринимательства в России см.: Зверева Н.И. Атлас практик развития социального предпринимательства. М.: ФРСП «Наше будущее», 2019; Портрет социального предпринимателя в России: исследование фонда «Наше будущее». <https://www.b-soc.ru/io/portret-soczialnogo-predprinimatelja-v-rossii-issledovanie-fondanashhe-budushhee/> (дата обращения: 25.05.2024).